

БОЛЬШОЙ МАСТЕР СЦЕНЫ

ВСЕМ, кому дороги судьбы советского искусства, дорого имя Всеволода Эмильевича Мейерхольда. 9 февраля 1964 года исполняется 90 лет со дня его рождения.

Мейерхольд был художником, который сразу же без всяких колебаний не только принял революцию, но и с огромной искренностью приветствовал ее. Убеденный коммунист, член партии с 1918 года, В. Мейерхольд посвятил себя служению новому театру, который он назвал «театром, созвучным эпохе». Мейерхольд хотел, чтобы его театр был открыто тенденциозным, агитирующим, политическим.

Всеволод Мейерхольд — один из первых деятелей искусства, который торопил рождение советской драматургии, активно боролся за новый репертуар, за новые формы театрального представления.

В «Зорях» Э. Верхарна, которые были поставлены Мейерхольдом в самые жестокие дни борьбы с врангелевскими белогвардейцами, он вводил в спектакль как бы саму жизнь. Так называемый «вестник», вбегающий на сцену, под бурные аплодисменты зрителей провозглашал только что полученное известие о том, что Перекоп взят красными войсками.

Плечом к плечу с Владимиром Маяковским — его соратником и единомышленником на фронте искусства он впервые осуществил на московской сцене постановку «Мистерии-буфф», а позже, уже в своем театре, поставил «Клопа» и «Баню». Он привлек к работе в драматургии и впервые поставил пьесы Вс. Вишневского, А. Безыменского, И. Эренбурга, А. Файко, Ю. Олеши, С. Третьякова, Н. Эрдмана, Ю. Германа.

Он вырастил и воспитал таких режиссеров и актеров, как Н. Охлопков, Б. Равенских, Л. Варпаховский, В. Плутчек, Г. Рошаль, М. Штраух, Э. Гарин, М. Бабанова, С. Мартинсон, Н. Боголюбов, и многих других. Общение с ним обогащало каждого из нас, вселяло энергию и вдохновение. Поэтому такой глубокий след оставили знаменитые «показы» Мейерхольда на репетициях.

В первый период своей деятельности он словно ярким прожектором осветил путь развития нового советского театра. Архаичность старого театра была особенно заметна на фоне кино, с его динамичными ритмами, энергичным монтажом, стремительным движением сценария. Нужно было найти новые формы театрального представления. Мейерхольд попытался «раздеть» театр, уничтожить рампку, кулисы и даже такой извечный и неперенный аксессуар театрального представления, как занавес.

Но сделал это Мейерхольд отнюдь не просто для того, чтобы уничтожить традиционную форму спектакля. Его новаторство лежало глубже. Он хотел сосредоточить все внимание зрителя на актере, не отвлекая его громоздкими декорациями и другими деталями оформления. Актер оставался наедине со зрителем: он мог рассчитывать только на самого себя, на

свое мастерство. От него, от актера, от полноты и убедительности его сценического самочувствия зависел и контакт со зрительным залом, а значит, и доходчивость спектакля.

Мечтая о создании советского театра новых, невиданных форм, Мейерхольд искал его зародыши в народном театре античности, в условности приемов китайского и японского театров, в итальянской комедии масок. Но главный источник его новаторства заключался, конечно, в его ярчайшей художественной фантазии, актерском и режиссерском мастерстве, в тончайшем чувстве театра.

Не случайно Евгений Вахтангов писал, что каждый спектакль Мейерхольда является целым театральным направлением. Так много в нем всегда было яркой выдумки, интересных, новых и неожиданных приемов. Он увлекался, часто переклещивал через край, но все это шло от изобилия его подлинно театральной фантазии, а не от желаний фокусничать.

Сложной, порой противоречивой была творческая жизнь художника. Подчас он увлекался какой-то чисто театральной задачей, не имеющей прямого отношения к содержанию пьесы. Это удвигало режиссера в область формальных экспериментов. Но он не возводил в каноны свои поиски и сам боролся с «мейерхольдовщиной».

И когда сейчас некоторые режиссеры хотят прикрыть претенциозность иных своих работ ссылками на Мейерхольда, то они не там ищут союзника. Ведь мейерхольдовские поиски в конечном счете были продиктованы стремлением поставить искусство на службу революционной современности, а его ошибки нельзя канонизировать.

Всеволод Эмильевич приступил в свое время к созданию новой актерской школы, которая, казалось бы, полемизировала с системой Станиславского. Но эта полемика была больше внешней, чем по существу. Ведь Мейерхольд всю жизнь глубоко уважал и любил Константина Сергеевича Станиславского и считал себя его учеником.

В свою очередь К. Станиславский не раз проявлял искреннее расположение и уважение к Мейерхольду. Он привлек его к работе в своем театре, как бы подтвердив высказанную Мейерхольдом незадолго до этого мысль, что они оба роют один и тот же туннель, только с разных сторон. Огорчительно, что в последние годы Мейерхольд отошел от современных тем.

Вспоминая сегодня жизненный путь выдающегося мастера сцены, нельзя не сказать одного — это был на редкость искренний человек и искренний художник. Горько сознавать, что этот замечательный человек оказался жертвой культа личности. Жизнь его трагически оборвалась в ту пору, когда он мог сделать еще много хорошего и нужного для нашего советского театра.

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР.

Известия, 1964, 8 февр.